

*Всем тем,
кто борется за справедливость, посвящается*

ЛИЧНОЕ КАК ПОЛИТИЧЕСКОЕ |

Мишель Фуко в своей рукописи об управленчестве (*governmentality*) отмечал, что «всё политизируемо, все может стать политикой. Политика есть то, что рождается с началом сопротивления управленчеству...».¹ Для радикальных феминисток конца 60-х – начала 70-х гг. началом сопротивления присутствию государства/власти стала сфера приватного. То, что до этого времени казалось самым личным (тело, сексуальность, рождение детей, выбор жизненного пути, профессии, партнеров), при ближайшем рассмотрении и скрупулезном анализе оказалось контролируемым и регулируемым обществом и государством. Индивидуальный опыт оказался опытом целых социальных групп, а личное недовольство и социальный дискомфорт – разделяемой многими реакцией на существующие социальные структуры, в рамках которых у женщин было меньше доступа к ресурсам и гораздо больше зависимости.

11

Осознание того, что личное есть политическое, требует расширения и самого понятия «политического» и изменения подходов к «политике». Прежде всего, как политическое – помимо области принятия государственных решений или сферы борьбы за государственную власть – стало осознаваться все, что имеет отношение к проявлению и распределению власти. В новое пространство было включено не только государство с его аппаратом управления, но и социальные институты и груп-

¹ M. Foucault, manuscript on governmentality. Цит. по: M. Senellart. Course Summary // M. Foucault. *Security, Territory, Population: Lectures at the Collège de France, 1977-78*. Basingstoke, 1997. P. 390

пы, формально находящиеся вне сферы политики. Но именно эти социальные образования наполняют политику и «оживляются» ею. К ним относятся религия, класс, этнические группы, а также институты семьи, армии, образования, медиа и т.д.

Если переводить эту проблематику в область пола и гендерных отношений, то речь идет об осознании того, что государственная политика, да и любой политический проект, через систему налогообложения, образования, социального обеспечения, трудовое или любое другое законодательство предлагает и поддерживает *определенный* и *обозначенный* набор гендерных ролей. С другой стороны, сама политика зависит от гендерного порядка – какими видятся настоящие «мужчины» и «женщины», какие функции они выполняют в семье, на рынке труда и т.д., каков их статус дома и на работе, какую работу выполняют и как распределена власть между ними.

Утверждение, что личное есть политическое сегодня наполнено множеством смыслов. Прежде всего, это заявление о том, что кажущиеся тривиальными вопросы на самом деле политически значимы. Например, то, на каком языке мы разговариваем и как питаемся, может становиться проявлением гражданской позиции, а решения о том, кто и как воспитывает детей, являются частью социально-политических проектов. Это также и напоминание о том, что решения относительно нашей личной жизни – например, какую профессию выбрать, когда можно вступать в интимные отношения, при каких условиях вступать в брак, сколько иметь детей, кто выполняет работу по дому и т.д. – делаются под влиянием экономических, политических и социальных факторов.

Помимо всего прочего, слоган «личное есть политическое» отсылает к феминистским практикам мобилизации граждан для политических изменений через осмысление социальных проблем в группах роста самосознания. Именно тогда стало понятно, что проговаривание «личных» проблем в группе и попытки их совместного осмысления является политически значимым и приводит к политическим эффектам. Самосознание не только росло, принося терапевтические плоды, но и качественно менялось, приобретая трансформирующую политическую силу.

Проблематизация личного как политического также является одной из стержневых тем понимания проблематики феминизма. Значимость этого вопроса заключается не только в расширении возможностей для феминистского и социального анализа, но и в том, что понимание личного как политического дает новые возможности для допуска в публичную сферу новых групп и проблем, не представленных в ней ранее.

Редакторы альманаха брали на себя определенный риск, когда решили посвятить выпуск теме личного как политического. С одной стороны, эта тема является одним из «хрестоматийных» направлений в женских, феминистских и гендерных исследованиях, а также в смежных областях социального и политического активизма. Именно пересмысление личного в терминах «большой» политики послужило катализатором развития многих витков феминистской теории и женского движения. Однако, на постсоветском пространстве осмысление этих проблем происходило по своим канонам. Будучи заимствованным направлением интеллектуальной мысли, гендерная и феминистская теории развивались как исключительно академические и деполитизированные области знания. Многие исследователи часто удобно «забывают» про исходную политическую нагруженность терминов, в которых ведется разговор о «проблемах пола» или «через призму гендера», таких, как идентичность, гендерная стратификация, политическое участие, автономия, субъектность, отношения частного/публичного и личного/политического и др.² Равно как и многие проблемы, столь важные для женского движения на Западе, имеют другую значимость в странах бывшего СССР, например, оплачиваемый отпуск по беременности и уходу за ребенком и др.³ В результате, многие ключевые понятия феминизма, включая *связку личное/политическое*, «замылены» – они не воспринимаются как нечто, способное раскрыть суть социального неравенства, связанного с гендерной спецификой конкретного общества. Скорее, употребление этих терминов

13

2 О состоянии постсоветских гендерных исследований см.: С. Ушакин. *Поле пола*. Вильнюс, Москва, 2007; А. Першай. Колонизация наоборот: гендерная лингвистика в бывшем СССР. *Гендерные исследования*. 2002. Вып. 7-8. С. 236-249; Н. Пушкарева. Гендерные исследования в истории и этнологии: пока только «воображаемое»? *Гендерные исследования*. 2006. Вып. 15. С. 165-173.

3 Е. Гапова. Классовый вопрос постсоветского феминизма, или об отвлечении угнетенных от революционной борьбы. *Гендерные исследования*. 2006. Вып. 15. С. 144-164.

работает как маркер принадлежности к «гендерному» дискурсу. В этом контексте тема личного/политического стала устойчивой метафорой и чревата опасностью потерять значимость смыслов, за которые изначально боролись феминизм и различные женские движения.

Этот выпуск альманаха рассматривает, что означала эта смысловая связка для женского движения и феминистской критики в разное время, что она означает для постсоветских исследовательниц и активисток сегодня, в каких сферах современного постсоветского общества она актуализируется. Нам было интересно посмотреть, где и как проходят границы личного и политического, как в эти различия вплетены пол, класс, возраст и место проживания (город/село), а также, какие политические и общественные институты эти отношения регулируют.

В ходе работы над этой темой выяснилось, что разговор в основном складывается по трем направлениям – трем «нервным узлам» сегодняшнего постсоветского общества:

- женское политическое участие;
- свобода и репродуктивный выбор;
- сексуальность.

14

Авторы выпуска уделяют большое внимание различным видам эмансипации женщин и их борьбе за право на политическое участие. Интересно, что дискурс за выход в публичную сферу женщины Восточной Европы осмысливается в нескольких проекциях одновременно: история разных регионов и активистских течений Российской Империи осмысливается в проекции событий сегодняшнего дня. В то же время, различные практики женского самоуправления (за неимением лучшего термина) напрямую связаны со многими религиозными и социальными институтами. Наконец, рассматривается само женское политическое участие через публичный акционизм и художественные практики. Разные точки зрения, представленные как постсоветскими, так и западными авторами, заставляют задуматься о том, что значит присутствие голоса женщины в публичной сфере? Авторы выстраивают разные аналитические траектории, но, по большому счету, пытаются понять, почему женское участие в «большой» политике связано с таким количеством противоречий.

В свою очередь, обсуждение прав женщин на самостоятельный репродуктивный выбор вызывает не меньше споров. Весьма показательно, что очень интимное решение женщин о том, иметь детей или нет, становится центром многих политических дискуссий, а *личная* жизнь регулируется множеством нормативных актов, наделяя вопросы беременности статусом первостепенной политической важности. В этой связи особенно интересна логика обоснования *права* окружающих вмешиваться в личную жизнь людей и репродуктивные выборы.

Проблемы позитивного признания и дискурсивной «видимости» разных сексуальностей в современном обществе все еще остаются табуированными. Эта проблематика остается по-прежнему «неудобной», поскольку заставляет задаться вопросом о социальной «нормальности» в постсоветском обществе, а также о том, по каким принципам осуществляется социальное разделение? В этом номере альманаха мы хотим задать вопрос о том, как на примере Канады гомосексуальность связана с отдельными социальными институтами, такими, как социальный класс и раса, а также каким образом все те же механизмы нормализации и исключения функционируют в маргинализованных сообществах. В текстах, посвященных этой теме, речь идет в первую очередь о *личном*: об отдельных судьбах, о повседневном выживании, о возможности полноценно участвовать в общественной жизни, быть принятыми и понятыми и т. д. Но вопрос, который поднимается, на самом деле гораздо глобальнее и глубже и выходит за рамки темы сексуальной идентичности. Однако именно личные аспекты показывают, как работают механизмы большой политики и каким образом жизнь маргинальных сообществ становится политическим ресурсом.

Материалы выпуска, по большому счету, задают вопрос о том, кого можно считать «полноценным» членом общества. То есть важно понимать, чьи интересы «учитываются» в политике, к чьему мнению прислушиваются политические и государственные деятели и где проводятся границы между личным и политическим.

Александр Першай и Евгения Иванова